

Lit ACADEMIA

Спецвыпуск сетевого портала для начинающих писателей и творческих людей "ЛитАкадемия"

"От сотворения книги..."

МАСТЕР-КЛАСС

Денис Чекалов

"Что значит БЫТЬ писателем?"

ЭКСКЛЮЗИВ

Ева Ланска

Диалог с ЛитАкадемией

Творческая МАСТЕРСКАЯ

Инна Криксунова

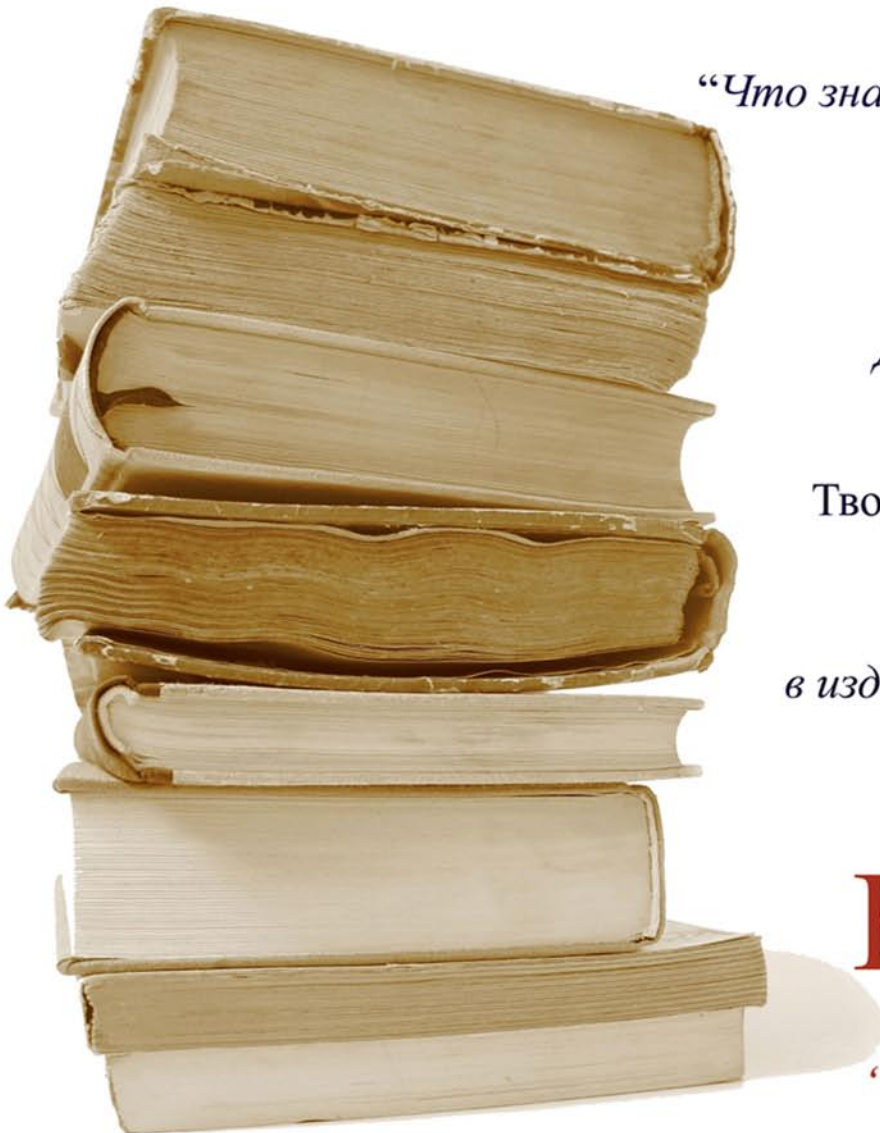
*"Смелее вперед, и дверь
в издательство откроется"*

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Конкурс

РАССКАЗОВ

"Дело было осенью..."

Что значит БЫТЬ писателем?

Денис Александрович Чекалов родился в 1975 г., в Ростове-на-Дону. Закончил философский факультет Ростовского государственного университета. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Личность в контексте современной информационной культуры».

Автор ряда книг по философии и общественным наукам, в том числе «Новейший философский словарь», «История мировой культуры», «История религий» (часть в соавторстве).

Что значит — быть писателем? От начинающих авторов можно порой услышать: «Что вы, я еще не писатель»... И это говорят люди, из-под пера которых вышла не одна книга. Те, кто издавался в журналах, в крупных издательствах. Те, кто очень популярен в интернете, и имеет сотни, порой даже тысячи поклонников. Где же та грань, та волшебная река, которую надо пересечь, чтобы стать писателем? Попробуем разобраться.

В понятии «писать» есть две разные стороны. Первая — собственно процесс написания слов. Этому учат еще в школе. Второй — способность фантазировать, увидеть мир под каким-то своим углом, придумать что-нибудь новое или увидеть старое в необычном облике. Я полагаю, что на это, в принципе, способен каждый человек.

С учеными проще. Сперва ты должен закончить школу; поступить в вуз. Сдать кандидатский экзамен, защитить диссертацию, потом еще одну, — и вот, ты доктор наук. Можешь повесить диплом на стену и с гордостью показывать его друзьям и

знакомым. А как быть писателю? Какие ступени надо преодолеть, чтобы иметь право гордо сказать: «Я писатель»? В поисках ответа, обратимся к Эриху Фромму, великому мыслителю и гуманисту, одному из основателей гуманистической психологии.

Фромм говорит о том, что есть лишь два основных способа жить. Первый — «иметь», второй — «быть».

Одни люди стремятся «обладать». Финансист стремится к тому, чтобы

положить в карман еще несколько миллиардов. Актер мечтает об «Оскаре». Акакий Акакиевич откладывал деньги на шинель, писатель надеется на огромные тиражи и высокие

гонорары. «Обладать» можно не только вещами. Мы хотим обладать людьми. Мы боимся потерять наш социальный статус. Обломов больше всего на свете ценил свой спокойный образ жизни, символом которого являлся халат, — все это означает «иметь».

Но есть люди, которые стремятся к другому — жить. Финансист работает допоздна, потому что ему нравится побеждать. Актер полностью выкладывается на сцене, так как любит свою работу. Тот, кто хочет «иметь» расплачивается за это дорого, — собственной жизнью, счастьем и будущим. Акакий Акакиевич умирает, лишившись своей шинели. В ней, в маленьком бездушном предмете, сосредоточилась его жизнь. Бесцельно проводит дни Илья Обломов. Все это — примеры жизни, нацеленной на «обладание».

А что тогда значит «быть»? «Главная жизненная задача человека — дать жизнь самому себе, стать тем, чем он является потенциально, — пишет Эрих Фромм. — Самый важный плод его усилий — его собственная личность».

Быть — это процесс, а не результат, путь, а не сама цель, жизнь, а не смерть. Нельзя стать писателем. Нельзя родиться писателем. Никто не даст вам диплом, лицензию, которая позволит войти в писательский круг. Никто не коснется вашего плеча мечом, посвятив в писатели; не даст испить из священной чаши, и не подарит магический амулет.

Писателем можно только быть. Вы — писатель, пока работаете над книгой. Только это важно. Не публикации и не гонорары, не мнение

«Писательство» — или «писанина» начинается там, где два эти аспекта встречаются. Например, когда в школе тебе задают сочинение... Но выполненное домашнее задание еще не делает человека писателем. Более того! Даже опубликованные, и хорошо продаваемые книги — тоже не критерий. В молодости Жорж Сименон мог выдавать по книге в неделю, ради денег (тогда не было телевидения, и подобные поделки быстро раскупались). Но сам он не считал их настоящими литературными произведениями. В «Записках Мегрэ» есть упоминание о том, что первые романы о комиссаре автор тоже позднее отправил в мусорное ведро, не стал переиздавать. Мне кажется, что «начать писать» по-настоящему — это означает создать нечто, чем ты сам мог бы гордиться.

критиков и читателей, не успех или неудача, — а лишь книга, которую вы создаете. Только она может сделать вас настоящим писателем.

Вы сами — прямо сейчас! — можете убедиться в этом, если откроете новый файл и напишете первую строчку.

Денис Чекалов

Смелее вперед, и дверь в издательство откроется!

Инна Криксунова — родилась и живет в Питере. Автор более 23 книг, посвященных позитивному мышлению, имиджу, сексуальной привлекательности, взаимоотношениям мужчины и женщины и т.д. По образованию дизайнер одежды, Инна много лет увлекается эзотерикой, практической психологией, нетрадиционной медициной. Во всех книгах Инны Криксуновой есть надежда на лучшее, она учит позитивному отношению к жизни, так в частности ей удастся внушить начинающим писателям веру в себя, в свое творчество, не останавливаться в случае неудач и смело идти к своим мечтам и целям.

Бывая в Интернете, я иногда захожу на форумы, на которых молодые (или не очень молодые) начинающие авторы задают вопросы: «Как бы проникнуть в издательский мир? Как туда устроиться? Как бы найти какой-нибудь блат, который поможет издать мою книгу?» и т.п.

Среди начинающих авторов почему-то ходят упорные слухи, что в издательства можно попасть только по знакомству, преодолев всевозможные заслоны и преграды. Мол, издательский бизнес — это замкнутый мир, куда нет доступа посторонним. Тем более простым смертным.

Позвольте сказать, что все это полная чушь. Готова подтвердить на собственном опыте. Когда я начала писать книги, я не была профессиональным писателем, я работала в другой сфере. Никаких связей в издательствах у меня не было. Но меня это не смущало!

Моя первая книга называлась «Создай свой имидж». Она была опубликована в 1997 году. Помню, как я первый раз пришла в издательство. Предварительно я позвонила туда, представилась и сказала, что у меня есть интересное предложение — замысел будущей книги. Договорилась о встрече. Я пришла на нее с готовым предложением — в издательском деле это называется «План-проспект». Он пишется для прикладной литературы (книг в жанре нон-фикшн). А для художественных книг эту роль играет синопсис — о нем я уже рассказывала в одном из предыдущих постов.

План-проспект представляет собой описание будущей книги в виде подробного, развернутого оглавления. Он должен быть написан так, чтобы сразу стало ясно, о чем книга, какие темы она раскрывает, какую пользу принесет читателям и т.д.

В плане-проспекте автор может дать различные варианты названия, отразить свои идеи по поводу формата издания, количества авторских листов, оформления обложки и пр. Чем четче автор представляет себе будущую книгу, тем лучше. Это свидетельствует о том, что идея хорошо проработана, и автор сумеет ее воплотить.

Итак, когда я принесла в издательство свой первый план-проспект, то Главный редактор посмотрел его, и он ему понравился. Видимо, моя идея выглядела достаточно убедительно. Издательство поверило в меня, как профессионала, который может написать интересную книгу, способную помочь женщинам выигрывать преподносить себя. Тем более, тогда российских (а не переводных) книг на эту тему на нашем книжном рынке еще практически не было.

А дальше уже пошел деловой разговор: мы обсуждали объем издания, количество иллюстраций, срок сдачи рукописи, примерную дату выхода книги в свет и т.п.

Любому издательству авторы нужны как воздух! И понятно, почему. Ведь именно авторы создают тот продукт, за счет которого кормится издательство. Потому если вы предложите что-то, на чем оно сможет

заработать, то ваше творение обязательно возьмут. Как говорится, с руками оторвут! Вопрос лишь в том, соответствует ли ваша вещь профилю издательства.

«Ставьте перед собой цели и делайте все, чтобы их достичь. Смело идите вперед — вас ждут победы, счастье, исполнение желаний. Все ваши мечты могут исполниться, ибо все в жизни зависит от вас. Мои книги про это».

Качественную вещь, вписывающуюся в направление данного издательства, всегда возьмут. Ну а плохую рукопись, будь автор хоть трижды блаженным, никто не пропустит. Кто ее потом купит? Ни одно издательство не станет работать себе в убыток. А если вы принесли подходящий продукт, то его с удовольствием примут и потом закажут еще.

Если ваши книги станут приносить издательству стабильную прибыль, то вы уже сможете выдвигать свои требования. И издательство пойдет на них, как миленькое. Создаст для вас особые условия, лишь бы вас не переманили конкуренты. Авторы, приносящие издательству прибыль, являются курочками, несущими золотые яйца, и это надо четко осознавать.

Так что смелее обращайтесь в издательства. Не в одно, так в другое, третье, пятое, десятое. Дорогу осилит идущий!

Инна Криксунова

Специально для ЛитАкадемии

В разговоре с одной из известных писательниц современности Евой Ланска мы совершенно неожиданно коснулись внутренней стороны творческого процесса, а именно, того сакрального состояния автора, которое и определяет результат писательских трудов. Каково же было наше изумление, когда мы услышали глубокие рассуждения о творческой философии из уст молодой писательницы.

ЛитАкадемия: Ева, что, по-вашему, лежит за творческим актом? Откуда берутся идеи и что они значат для писателя? Кем он является — провидцем, демиургом, наблюдателем? Когда в своем блоге я выложила наше последнее интервью с Вами, читатели стали задавать вопросы. Буквально растащили Ваши ответы на цитаты.

Ева: Я пишу о том, что наши мысли и наши слова, которые мы произносим, имеют вполне определённый вес. Каждое слово имеет некоторую концентрацию силы энергии, точно также как и мысль. В связи с этим, я с каждым годом творческой работы, с каждым днем все более внимательно отношусь к тому, что произношу, тем более к тому, что пишу. На интуитивном уровне мы понимаем, что писатель — это не просто профессия, это жизненная позиция, жизненная необходимость. Спросите любого автора, почему он стал писателем, ответ один: он не может иначе. Творческая личность заряжена определенной энергетикой. Вы наверняка разделяете мое мнение, что человек творческий или публичный должен с наибольшей ответственностью относиться к тому, что он делает. Ему необходимо проявлять

самоконтроль, потому что он не может себе позволить такой же расслабленный образ жизни, такую же безмерную или беспринципную болтовню, как человек не публичной профессии. Чем больше ты можешь, тем больше с тебя спрос. Если кто-то не знает законов, это не освобождает от ответственности.

Слово имеет силу воздействия, мысль имеет даже большую силу воздействия. Возможно, уже кто-то измерил

эти величины в каких-то определенных единицах.

Часто сталкиваясь с популярными книгами в современном обществе, — например, «Трансерфинг реальности» Вадима Зеланда, «Секрет» Ронды Берн и прочие, — обращаешь внимание на то, что все эти книги имеют первоисточники, которые написаны за сотни лет до их появления. Они все между собой связаны, просто переказаны на более доступном современникам языке. Самое главное — почему эти книги имеют отклик в нас, читателях? Потому что на интуитивном уровне в нас многое заложено от природы, и каждый человек, прочитав книгу и получив из нее какую-то особенную для себя информацию, начинает прислушиваться и обращать внимание на важные вещи, которые раньше, быть может, просто не замечал. В первую очередь, это проблемы духовного роста. Мы как бы все это уже знаем, но ежедневные заботы, быт и обязанности отвлекают нас от этих знаний, которые в нас заложены на генетическом уровне. Когда же нужная информация случайно попадает в наш разум, она тут же находит отклик в «файлах» нашей памяти.

Меня часто спрашивают журналисты: «Вот вы пели, а сейчас не поете, но стали писать. Вам не кажется, что Вы энергетически разбрасываетесь?». А я уверена, что ничего в этой жизни не бывает случайно. И то, что я занималась музыкальной деятельностью, писала песни, стихи, исполняла их — все это дало мне в жизни определенное направление. Видимо, я должна была получить этот опыт, столкнуться именно с теми людьми, но не остаться в этой профессии. То измерение было для меня временным, и я прошла через него с какой-то другой целью. Уверена, у многих это так.

ЛитАкадемия: Талантливый человек талантлив во всем.

Ева: Любой опыт может пригодиться тебе как одна ступень на пути к цели. Поэтому я это рассматриваю, как путешествие во времени. Точно так же, как и любой творческий труд, писательский — это просто дорога, и она может прокладываться разными путями. У меня она была проложена через такой профессиональный опыт, как музыкальная карьера. К этому можно еще добавить, что никакой опыт, никакие знания не проходят бесследно. Все копится, в частности, в писательском деле. Например, ты пишешь целую

повесть, чтобы в итоге сказать только одну важную фразу.

ЛитАкадемия: Которая останется на века?

Ева: Или она поможет какому-то конкретному человеку, которого ты можешь и не знать. Если даже один человек тебя услышит и правильно истолкует, и это ему поможет, это уже глобальная достойная цель в писательской деятельности.

ЛитАкадемия: Вот скажите, если в голову приходит какая-то идея, и она настойчиво напоминает о себе, как бы Вы ни отвлекались (на семью, на работу), она засела и тащит за собой, Вы будете долго ей сопротивляться? Отметете ее, или доверитесь ей? Кто ваша читательская аудитория?

Ева: Вы знаете, опыт показывает, что когда на тебя «нападает» идея, бесполезно сопротивляться. Можно отсрочить, но ничего при этом особо не выиграть. Рано или поздно начнешь эту мысль воплощать в жизнь, потому что любая мысль имеет

определенную энергетическую силу. И если ты идешь ей навстречу и не сопротивляешься, ты сам становишься сильнее. Любое сопротивление в данном случае ослабляет. Но есть еще некий моральный кодекс у каждого человека, и когда твой моральный кодекс — не противоречит идее, которая озарила тебя, это и есть прекрасная гармония для того, чтобы создать что-то действительно новое и важное.

Я выбрала для себя изначально женскую аудиторию, это мой ответ на вопрос — «с кем я говорю?», «кому я пишу?». Я читаю и о мужской психологии, изучаю ее с большим интересом, но для себя выбрала все-таки женскую читательскую аудиторию. У женщины особая миссия, и особая привилегия. Это на уровне подсознания, мужчине объяснить многие вопросы невозможно, потому что он по-другому устроен. Для примера, давайте заглянем в реальную природу вещей, в глубину вопроса, которая, на самом деле, лежит на поверхности. Женщина единственное существо на нашей планете обладающие уникальной способностью — воспроизводить жизнь. Женщины наделены тем, что называется «женской интуицией». На мой взгляд, это определенный талант. Некоторые говорят об этом с иронией, но я совершенно не разделяю такое отношение в данном контексте. Это некий дар, волшебство, которым женщина от рождения наделена с целью совершить в какой-то момент чудо. И рождение другого человека с совершенно новой судьбой — это есть некое чудо. Женщины — это аудитория, которая воспринимает тебя, в первую очередь, сердцем.

ЛитАкадемия: То есть женщина пишет все-таки для женщин? Не боитесь сузить таким определением свою аудиторию?

Ева: Пусть у меня будет не массовая аудитория, потому что невозможно, наверное, за непродолжительный срок стать известным, если ты действительно работаешь, корпишь над каждым сюжетом, а не просто делаешь масштабную рекламную кампанию. Поэтому я, во-первых, никуда не спешу, а во-вторых, не ставлю цели всех подряд заинтересовать своими книгами. Конечно, в условиях современного издательского бизнеса и для меня тиражи важны, но я не ставлю это целью. Для меня индивидуальное восприятие конкретным человеком того, что я делаю, несет гораздо большую ценность. И какой-то искренний один читатель для меня важнее, чем тысяча, которая прочтет книгу, забудет и выбросит в мусорное ведро. В моих детективах всегда есть место романтике, потому что не секрет, что для женщин личная жизнь — это очень важный аспект. И читать такую книгу интереснее. Выбирая себе любимого мужчину, этим выбором женщина программирует все свои будущие поколения. И здесь мы

не имеем права на ошибку. Безусловно, выбирает не мужчина, а женщина, мы это понимаем. Мужчины могут думать все, что хотят. Знакомясь с мужчиной (при этом он может говорить все что угодно), женщина сразу оценивает на уровне подсознания, может ли этот человек нести ответственность за её потомство. А мужчины говорят, что женщины меркантильны. С этим сложно согласиться, если вникнуть в детали. Женщины, может быть, недостаточно защищены в некоторых социальных сферах. И это заставляет их вести себя в некотором

смысле расчётливо. Но это голос природы. Ведь именно на женщине лежит огромная ответственность за будущее поколение. Потому что, по сути, она есть вершительница судеб.

ЛитАкадемия: Да, трудно не согласиться с вами. Надеюсь, никто не обвинит нас в феминизме.

Ева: Теперь у меня к вам вопрос. Вопрос неоригинальный, но мне важно ваше мнение. Человек, который оригинально пишет, талант, он в любом случае пробьется?

ЛитАкадемия: Нет. Если он ее закончил, это уже достижение. У него куча идей, он не знает как начать, множество образов, и не факт что он это закончит. Это начальный этап. Если все-таки в своем развитии он доходит до окончания произведения, наступает второй этап — взгляд со стороны. И здесь сразу поджидает опасный двойственный момент: критика, переоценка, недооценка могут оказать сильное влияние. Т.е. либо человек может возгордиться, а это опасно тем, что он не будет больше работать и развиваться, и у него начнется период стагнации. Это плохо. Либо — при критическом

отзыве — он расстроится, и у него начнется творческий ступор.

Если же этот период миновал, начинается следующий — поиск издателя. Издателя он может искать кустарно (либо через интернет, либо наткнувшись на контакты в книге или в каком-то журнале), после чего рукопись зачастую уходит в конверте, затерявшись в пути, либо идет по мейлу рассылкой всем подряд.

Соответственно, писатель отправил, сидит и ждет — сейчас меня найдут, вытащат из глубинки, потому что он талант, как сказала ему бабушка. А талант издается в любом случае. Увы, это не всегда так.

Хорошо, если рукопись доходит до адресата и даже бывает прочитана. Но если писатель получает отказ (99% случаев), и хорошо, если это вежливый отказ — это одно. Жесткий отказ — это совсем другое. Критика, по сути, уничтожает творчество начинающего на корню.

Если у человека нет поддержки единомышленников, ему сложно правильно реагировать на похвалу и критику. Адекватно воспринимать процесс «пристраивания» рукописи. Это вообще очень тяжело для писателя. То есть, нужна некая настойчивость, пробиваемость, уметь отстоять, даже продать. Это же известно, что писатель может написать замечательный роман — рукопись, но при этом не может написать даже аннотацию к собственному тексту.

Ева: Вот, например, ваш же сайт может — и вы это делаете — публиковать тех, кто вам кажется интересным. Новых писателей, которых еще никто не знает. И если ваш сайт станет популярным, то тогда люди,

с возможностями в издательском бизнесе, будут отбирать начинающих писателей.

ЛитАкадемия: Да, к этому и стремимся. Те ребята, которые с нами начинали, наша команда, из них есть издавшиеся авторы. Благодаря чему? Благодаря командности. Но цель-то у нас не выпустить звезд, а именно чтобы люди были услышаны. Например, буквально сегодня разговаривали, чтобы провести конкурс между детьми в детских домах, сделать благотворительный проект и найти рукописи авторов, у которых глубокий внутренний мир за счет того, что в него погружается человек, и наша задача помочь этим начинающим писателям тоже. То есть непробивным людям. Поэтому да, сейчас только портал, но потом было бы неплохо дойти и до своего издательства, существующего не из расчетов продаж (мы это понимаем, потому что книжные маркетологи подобрались), а издавать честно, таланты. Потому что только тогда возродится чтение. Как недавно заявил один из наших авторов — хорошо, дети у нас не читают, так вы пишете интересно! — и он прав. Пишите интересно, и вас будут читать. Проблема будет решена.

Ева: Интересная мысль. Простая, но очень емкая.

ЛитАкадемия: К этому мы и стремимся.

Ева: Что-то из работ начинающих авторов можно у вас на портале найти?

ЛитАкадемия: Пока нет. Ввиду некоторых обстоятельств, мы были

вынуждены закрыть сайт и все лето работать над новой площадкой.

Это принесло свои плюсы, и теперь на портале есть множество функций, позволяющих писать рукописи он-лайн, хранить их в Банке рукописей, как в открытом доступе, так и в личных ячейках, консультироваться с редакторами, издателями, читателями, также с юристами и даже психологами. Но в таком виде портал функционирует только с 1 сентября, поэтому база только наполняется. Вернулись предыдущие авторы, приходят новые. Потихоньку мы наполняем.

Ева: Я уверена, что и многие компании, которые ищут сценаристов, а сейчас это огромная проблема, они бы тоже могли обращаться к такому ресурсу.

ЛитАкадемия: В том числе. У нас есть Драматургический факультет.

Ева: У нас же огромная страна. Сколько разных людей, которые пытаются сделать что-то необычное. Не просто создать очередной текст, который будет «нормальным». Тут важна яркая индивидуальность.

ЛитАкадемия: Мы над этим работаем. Наша редакционная служба смотрит тексты, которые выкладывают авторы, и старается помочь в развитии. Не критикуя, не подавляя, или, наоборот, по головке не гладя, а четко — «так, вот здесь неинтересно», «здесь не соответствует персонаж», «здесь провал в сюжете». И занимается отсортировкой текстов. Пока, на данном этапе, это все в процессе, но у нас будет раздел «ЛитАкадемия рекомендует». Возможно, нам придется выступать как литагентству.

Ева: То, что вы говорите, очень актуально и злободневно.

ЛитАкадемия: Кто у кого интервью берет? *Смеются.*

Ева: Расскажите мне подробнее о вашем проекте.

ЛитАкадемия: Как проект мы существуем недавно, буквально с 1 сентября. А как команде активистов «ЛитАкадемии» уже года три: познакомились как начинающие писатели, и кто-то из нас ушел в издательский бизнес, кто-то в книжный PR, а кто-то успешно начал карьеру писателя.

Ева: Почему выбрали именно такое направление?

ЛитАкадемия: Я сама начинающий писатель, и окружающие меня люди тоже личности творческие и заинтересованные. Никакой конкуренции, никакой зависти. Исключительно

помощь друг другу, обмен идеями, инициатива.

Ева: То есть это Ваше внутреннее призвание, и Вы решили создать такой портал, чтобы объединиться?

ЛитАкадемия: Помимо призвания, это еще и назрело. Наступивший кризис вскрыл и без того острые проблемы как начинающих авторов, так и тех, кто уже издается и нуждается в продвижении. Мы решили помочь людям, которые занимаются творчеством, не бросают, несмотря на все трудности, даже когда гонораров за их книги не хватает на то, чтобы прокормить семью. Мы хотим, чтобы в России писательство стало официальной профессией, чтобы на гонорары можно было прожить, чтобы к писателям относились с уважением, чтобы каждый мог воплотить свою мечту и сделать ее средством к существованию. Когда писатель уже издался, и у него нормальные тиражи, к нему однозначно лучше относятся, чем к автору, который по каким-то причинам не был признан. И это несмотря на то, что качество и книг может кардинально отличаться, и первая может оказаться гораздо хуже второй, непризнанной. Это несправедливо. Талант не продается. Т.е. такие моменты надо помогать сглаживать. И тут, конечно, надо вводить институт литагентств.

Ева: Да, конечно. Хорошо, что есть такие активисты, инициаторы. Мне кажется, что всем вместе нам удастся переломить эту современную тенденцию в Москве и России. Потому что это, безусловно, это благое начинание, и когда-то ведь так и было. Книга была продуктом первой необходимости, а сегодня люди свое свободное время часто пытаются провести

более простым способом. Отчего сами же страдают в итоге. И поэтому очень важно то, что делаете вы. Я буквально вчера видела рекламный плакат «Что нужно сделать, чтобы ввести книгу в продукты «luxury»?»

ЛитАкадемия: Да, по-прежнему актуален вопрос «Почему дети не читают?» и обсуждения на тему, что пресловутый «Гарри Поттер» единственный, кто поднял новую волну чтения, а других все равно не читают. Простите, у меня тут очередь из начинающих писателей, которые пишут прекрасные детские книги, но их даже не рассматривают. И важно делать акцент на такие таланты, а не на пропиаренных авторов, которые стали заезженными брендами.

Без конца переиздают классиков, на полках одно и то же, соревнование среди издательств «кто дороже». А новых «классиков» когда растить будем? Поэтому надо стараться исключительно потому, что это должно быть — некая идеальная идея.

Ева: Вы это делаете сами, без спонсоров?! Ищете финансирование, создаёте креатив, редактируете? Вы поставили себе серьезную цель!

ЛитАкадемия: Нам очень помогают люди, которые загораются идеей — достаточно просто встретиться, поговорить, и люди уже предлагают какую-то помощь, свои идеи, контакты. Просто все понимают, что это надо делать. Объединение, команда — сейчас это самое главное.

ЛитАкадемия очень признательна Еве Ланска за беседу и поддержку проекта, и со своей стороны от всей души желает ей новых творческих высот и побольше благодарных читателей!

Беседовала: Аполлинария Волошун

Фото: Анатолий Лизунов

Ресторан «Алхимик»

Анна Сырцова

Дымом сгоревших листьев

Странный человек в костюме пепельного цвета и надвинутой на самые глаза фетровой шляпе был замечен в городе рано утром.

Как, когда и откуда прибыл незнакомец, не видел никто. Серый гость, казалось, просто появился посреди широкой аллеи городского парка, необычайно оживленной для субботнего утра. Пожилые супруги — бывший антиквар и его жена — не спеша прогуливались от скамейки к скамейке; художник, разложив кисти, краски и палитры прямо на земле, пытался запечатлеть на ватмане хрупкое очарование раннего часа; молодая женщина дремала на скамейке, пухлощёкий малыш в красной вязаной шапочке сосредоточенно сопя крутился у её ног. Прохладную тишину нарушали двое подростков — повизгивая и подначивая друг дружку, мальчики носились за юркими, быстрыми белками.

Незнакомец глубоко вдохнул горьковатый воздух и даже не закашлялся. Проезжавший мимо на велосипеде худой мужчина в форме почтальона удивленно поднял брови. На его веку, новичкам всегда было не просто привыкнуть к специфическому духу города: едкому, терпкому, с полынным привкусом — словно где-то жгли сухие листья.

Вдруг позади человека в сером раздалось резкое «А-а!». Тот даже не вздрогнул — лениво, не спеша, оглянулся.

Жан-Оноре Фрагонар. Девушка с книгой.

— Простите, — миловидная брюнетка вскочила со скамьи и подхватила на руки полуторагодовалого малыша. Мальчик надрывно плакал, размазывая по покрасневшему, словно его шапочка, личику крупные слёзы. — Напугали мы вас.

Незнакомец отрицательно качнул головой.

— Убегает всё время, — виновато улыбнулась молодая мама. — Сладу с ним нет, только потеряешь бдительность, а его уже и след простыл.

Она вытащила носовой платок и вытерла рёве лицо.

— Только по звуку могу его отыскать, — закончила свою мысль женщина. — Убегать-то он убегает, а потом в слёзы: мамы на горизонте не видно. Сирена моя маленькая, —

она поцеловала малыша и повторила: — Напугали вас. Простите.

— Что вы, — мягко улыбнулся незнакомец. — Где же это... — он сделал вид, что что-то ищет в карманах. — Вот оно! Держи! — и протянул ребёнку резной ярко-жёлтый с красной окантовкой листок. Красивый, большой и совершенно не примятый.

Малыш, округлив глаза, уставился на подарок.

— Надо же! — выдохнула женщина. — Я таких и не видела. Не растут здесь клёны.

— Это не просто лист, он волшебный, — загадочно произнёс серый незнакомец, когда пухлая ручка схватила листок. — Он исполняет желание.

— Желание? — молодая мама засмеялась, подхватив игру странного человека. — Он же маленький, говорить толком не умеет. Какие желания? Дайте лучше лист мне.

— Запросто, — мгновение, и в пальцах осеннего гостя возник другой листик — на этот раз оранжевый с тонкими зелёными капиллярами прожилок.

— Вы фокусник? — женщина озорно прищурилась.

— Нет, я волшебник. Ну что же вы? Держите! — человек протянул ей крохотный дар осени.

Молодая мама несмело взяла листок, словно опасаясь, что тот вот-вот исчезнет или превратится в голубя.

— Волшебников не бывает, — не слишком уверенно произнесла она.

— Не бывает, — вмиг погрузнев, кивнул осенний гость.

Они замолчали.

Женщинебылонеудобновоттак распрощаться, а незнакомец, казалось,

даже не замечал затянувшейся неловкой паузы. Он стоял и смотрел в конец аллеи, туда, где, среди уже сбросивших свою крону деревьев, задумчиво покусывая кончик кисточки, стоял художник.

— Вы сказали, он желания исполняет? — наконец произнесла молодая мама, покрутив листок.

Малыш на её руках заёрзал, вырвал свой листок.

Лист, словно танцуя, спланировал на мелкий дорожный гравий.

— Не желания, — поправил незнакомец, — желание.

— Всего одно? Не честно, — по-детски протянула женщина.

— Одно, — твёрдо кивнул человек, — зато самое-самое заветное. То, которое невозможно высказать словами.

— Как это? — удивилась молодая мама.

— Вам бывает иногда грустно просто так, без причины, словно «кошки на душе скребутся», а отчего — непонятно?

Женщина секунду подумав, кивнула.

— Это и есть невысказанное желание вашей души, вашего подсознания, — подытожил незнакомец.

— А как я пойму, что я этого хотела? Вернее, если мне будет не нужно то, что пожелает моё подсознание?

— Так не бывает. Душа, она, знаете ли, мудрее самого мудрого человека. Потому, что людям свойственно ошибаться.

— ... Людям свойственно ошибаться, — последнее, что успел сказать ди-джей, прежде чем Александр выключил магнитолау.

Джип съехал с дороги. Автомобиль трянуло — после ровной поверхности тракта, ехать по гравию было непривычно.

Мужчина припарковал машину на обочине.

Несколько минут Александр сидел, откинувшись на кресло, и бездумно созерцал открывшийся перед ним вид.

Слева тянулась дорога — широкая серая лента ровного асфальта, справа возвышалась кованая решётка городского парка. Тоненькие, хрупкие лиственницы, осины и березы несмело протягивали сквозь прутья ветки, словно здороваясь, приглашая войти, насладиться их компанией.

Александр был уверен, что в этот час в парке пусто, как, впрочем, и во все остальные — расположенный на самом краю города парк популярностью не пользовался. Зато мужчина ездил сюда каждую вторую субботу месяца, как на работу.

За три года это стало не просто его желанием, а безусловным рефлексом, некоей потребностью души — парк тянул Александра к себе, манил, звал в тревожных снах, пугал своей настойчивостью. И за все три года мужчина ни разу не вышел из машины, ни разу не вошёл в гостеприимно распахнутые ворота. Он специально проезжал их на максимально возможной скорости, стараясь даже не смотреть на призывно раскрытые объёты.

А сегодня в воздухе носилось нечто такое... — аромат сухих осенних деревьев, запах хрусткого гравия и терпкий, ни с чем не сравнимый, дух горящих листьев. Мужчина специально сделал два круга вокруг парка, но так и не увидел дымящихся куч —

но призрак огня, тем не менее, витал повсюду.

В общем, сегодня был такой день и Александр остановил свой джип напротив ворот.

И сейчас сидел, не в силах не то чтобы выйти из салона, мужчина не мог даже повернуть голову, посмотреть на витые узоры решетки.

И дело было вовсе не в самом парке, не в гостеприимных объёты ворот и не в дороге, к которой Александр давным-давно привык, а в запахе гари, в красных, словно языки пламени осенних листьях... в боли, что, казалось, должна была уже притупиться.

Новый порыв ветра бросил на лобовое стекло пригоршню алых тронутых серой пеленой тлена листьев. Александр вздрогнул и впервые за три года заплакал.

Скрипучий деревянный двухэтажный дом стоял на самом краю города. Как очутился он именно там, вдалеке от оживлённых автострад, магазинов, аптек, заводов и детских садов — запутанная история. Старейшие жители дома — пожилой антиквар и его жена — любили вспоминать летними вечерами за чашкой малинового чая, что когда они бежали в этот город из блокадного Ленинграда, дом уже стоял здесь — заброшенный, с выбитыми стеклами, холодный и негостеприимный. Чёрной громадой он возвышался на пригорке, невдалеке от леса.

Ходили слухи, что в этом доме некогда располагалась инфекционная больница, куда свозили недужных со всей округи. Судачили о жутких завываниях раздающихся в его стенах и странных свечениях его окон.

Кто-то рассказывал про постоянный двор, алчные хозяева которого грабили и убивали постояльцем. Другие намекали на наличие в нём некогда публичного дома, обитатели которого погибли от странным образом начавшегося пожара. Третьи опровергали эти версии, выдвигая в оппозицию совсем уж безумную — вроде бы дом уже стоял, когда первые переселенцы начали строительство самого города.

За годы дом оброс огромным количеством легенд, слухов и мифов. Даже в городской управе не могли сказать ничего определённого о дате его постройки.

И хотя вряд ли хоть один из этих слухов имел историческую основу, загородное место дома среди горожан считалось проклятым. И даже наличие в нём жильцов не могло нарушить эту странную, сверхъестественную уверенность.

За всё время дом сменил множество жильцов — люди переезжали в более комфортные квартиры, уезжали в другие города — но бывший антиквар с женой никогда не изменяли своей обители, приютившей беженцев, казалось, на время.

Звонкое «Ах ты, зараза!» нарушило сонную тишину старого дома.

Жена антиквара выглянула в окно. С крыши, подгоняемые криками тётки, слезали растрепанные пацаны. В одинаковых шортах, некогда бывших целыми джинсами, и выгоревших футболках, ребята выглядели близнецами, хотя Витька был на целых два года старше Семёна.

— Что там? — антиквар оторвался от газеты и близоруко посмотрел на жену.

— Витька с Сёмкой опять змея запускать решили, — отозвалась пожилая женщина. — Вот Верка и злится.

— А что ж в этом дурного?

— Я ж рассказывала? — внимательнее посмотрела на мужа женщина. — Запутается бумажный змей в проводах — не дай бог пожар случится! Провода старые, то и дело искриться у столба начинают. Уж сколько аварийку вызывали — нет денег на замену и всё тут! Подремонтируют кое-как, и живите — радуйтесь!

Антиквар молча кивал, изучая газету. Жена махнула рукой. Что толку рассказывать? Всё равно не слушает — пока до последней страницы не прочтёт, потерян для мира.

В стекло вежливо постучала миловидная брюнетка.

— Ирина Витальевна, можно у вас соску вымыть?

— Опять выплюнул? — расцвела в улыбке жена антиквара, открывая форточку. — Давай, сполосну.

— Спасибо большое! Всё время безобразничает — сил уже нет.

— То ли ещё будет, — пожилая женщина вернула назад вымытую соску. — То ли ещё будет, когда ходить начнёт. Выброшенные непонятно куда пустышки и игрушки сущей ерундой покажутся.

— Это ваше? — послушалось сзади. Молодая мама обернулась.

Высокий брюнет протянул плюшевого мишку.

— Игорёк, — обрадовалась молодая мама медвежонку. — Спасибо вам, — обратилась она уже к молодому человеку. — Игорёк — это любимчик сынишки, — засмушалась она двусмысленности своей радости.

— Я так и понял, — кивнул брюнет и, развернувшись, пошёл в подъезд.

— Новый сосед со второго этажа, — прошептала из окна жена антиквара. — Говорят, художник.

— А-а, — протянула молодая мама. — Надо сходить, по нормальному познакомиться, когда муж приедет. А то неудобно вышло...

— А когда Саша вернётся?

— Обещал в следующую субботу, если командировка не затянется...

Выбравшись на крышу, молодой человек огляделся. Вид потрясающий! Красота вокруг неопишная! Не даром ему присоветовали снять квартиру именно в этом доме.

Художник прошёл к старому дымоходу, раздумывая куда лучше поставить мольберт, и увидел вихрастого паренька. Тот, сидя на корточках, расправлял что-то на пахнущих солнцем и пылью досках.

— Привет! — сказал молодой человек. — Не думал, что здесь кто-то есть.

— Ага, — раздалось снизу. — Мы тоже! Кидай Сёмка!

Паренёк подошел к краю:

— Сейчас! — и уже художнику: — Тётка разоралась, и мы змея на крыше забыли. Это Витька, — кивнул он вниз.

— Салют! — поздоровался второй мальчик.

Сёмка подхватил большой малиново-оранжевый ромб и кинул вниз.

Внезапный порыв ветра подхватил змея. Его развивающийся ленточный хвост легонько мазнул художника по щеке.

— Куда?! — взвизгнул Сёмка.

— Пускай летит! — крикнул снизу Витька. — Потом поймаем!

— Куда там — поймаем?! — подпрыгивал брат. — Снесёт на лес — пиши пропало!

— Я сейчас!! — мигом оценив перспективы, на бегу закричал паренёк.

Красный змей, сделав пару кувырков, внезапно взял влево и повис на проводах.

— Ой! — испугался Сёмка. — Палкой сбить? — мальчик посмотрел на художника, но ответить тот не успел.

Снизу послышался недовольный мужской голос и вслед за ним дребезжание упавшего велосипеда.

Раздалось надрывное «брямс» и провод упал на крышу. Яростно извиваясь, он разбрасывал во все стороны колкие искры.

— Уходим! Быстро! — успел крикнуть художник, прежде чем змея-провод впиалась ему в лодыжку.

— Бежим к речке? Окунёмся... — предложил Витька, провоя глазами вылетевшую из куста рябины ворону.

— Не, — лениво отозвался Сёмка. — Холодно купаться. Давай лучше белку поймаем! У Вовки из седьмого «А» всю зиму одна жила. Так классно орехи грызла! Прямо с рук брала!

— А давай! — обрадовался брат. — Чур моя белка будет!

— С чего это твоя?

— Я старше!

— Ах ты!!

Сёмка бросился на брата, но был ловко сбит им с ног.

— Не честно!

— Ещё как честно! — Витька придавил брата коленом к земле.

— Смотри — белка! — Сёмка ловко вывернулся и, вскочив, бросился за пушистым зверьком.

— Удрала, зараза, — сказал Сёмка, когда запыхавшийся брат нагнал его.

— А если это была не белка, — отдышавшись, зловещим голосом начал Витька, — а призра-ак!

— Дурак! — обиделся брат. — Какие призраки днём в парке?

— Стра-ашные, — с подвыванием произнес Витька. — Не слышал что-ли как Ирина Витальевна рассказывала?

— Старушечьи байки! — дёрнул плечом Сёмка.

— Ну-ну, — насупился брат.

— Да ладно! Неужели ты в них веришь? — не сдавался младший.

— А что? Помнишь, наша бабушка тоже рассказывала?

Сёмка нахмурился, сгрёб сухие листья, удобно устроился на них и уставился на брата снизу вверх.

— Она каждое дуновение ветра считала дыханием приведения.

— А что? — Витька тоже шмякнулся на листья. — Вот представь, мы тут за белками носимся, а рядом призраки расхаживают. Вон какой ветер, — он показал на раскачивающиеся кроны деревьев.

— А ещё она говорила, что призраки — это души, которые не могут уйти, которых что-то держит на Земле, — продолжил Сёмка.

— Ну да, — согласился старший брат, не понимая, куда клонит младший.

— Эта же ерунда! Сам подумай: вот ты умер и охота тебе бестелесной оболочкой таскаться? Что такое-эдакое тебя здесь удержать может?

Витька окинул взглядом парк.

Ирина Витальевна, поддерживаемая за руку мужем, присаживалась на скамейку; художник сосредоточенно водил карандашом по ватману; Вероника бежала за озорным сыном; почтальон слез с велосипеда и не спеша шел вдоль аллеи... Серая спина уходящего незнакомца терялась среди графично черных стволов...

— Ну-у... — наконец сказал мальчик. — Видимо, ничего удержать не может.

— Вот именно, — удовлетворённо потер руки Сёмка. — Кстати, ты уже решил, что загадаешь? — он вытащил из кармана курточки мятый осенний лист.

— Ты ему поверил? — расхохотался Семка, кивая на удаляющегося незнакомца. — Волшебный! Желание! — передразнил мальчик.

Витька пожал плечами, крутя в пальцах листок.

Сёмка помолчал, достал свой, поднёс к губам, но тут же резко отдернул.

— Смотри, с ним что-то происходит!

— С моим тоже!

На другом конце аллеи молодая мама с удивлением смотрела на свой листок.

Александр высморкался, вытер тыльной стороной ладони глаза и решительно вышел из машины.

Аромат жженой листвы стал насыщенно-невыносим.

Открытые ворота манили. Ветки деревьев покачивались в такт порывам ветра.

Александр поёжился и решительно вошёл в парк.

— Смотри, вон белка! — услышал он звонкий голосок за спиной.

Резко обернулся. Никого.

Господи, как напряжены нервы, как прыгает сердце в груди.

— Да смотри же! Вот там! — тот же детский крик. Александру показалось, он узнал, кому принадлежит этот голос.

Принадлежал...

Сердце дрогнуло и пропустило удар.

Александр опустился на скамейку, сжал ладонями виски. Он знал, что будет тяжело, но что так плохо, даже не предполагал.

Невдалеке на пригорке чернел большой выгоревший прямоугольник — всё, что осталось от его прежней жизни.

Александр помогал разбирать пепелище.

На месте дома уже два с половиной года расположен парк, а «проклятое» место всё так же черно, как и в первые дни после пожара.

Хрустнул гравий. Мужчина вскочил. Опять показалось?

Коренастый человек в сером пальто медленно прогуливался по аллее.

— Добрый день, — поздоровался он, поравнявшись с Александром. — Прекрасное место, не находите?

— Не сказал бы, — пробормотал мужчина.

— Вы об этом, — человек в сером кивнул на чернеющий прямоугольник.

Александр кивнул.

— Знаете, — продолжил незнакомец. — Многие места сохраняют ауру того, что, казалось бы, не оставило после себя ничего.

— Что вы имеете в виду? — не понял Александр.

Станный человек промолчал.

— Я думал здесь никого не бывает... — сказал мужчина, — в субботу, утром, — решил уточнить он.

— Никого не бывает... — эхом повторил незнакомец. — Знаете, — он в упор посмотрел на Александра. — Никого — понятие относительное.

— Здесь когда-то стоял дом, в котором я... мы жили.

Человек кивнул:

— Слышал ту историю. Жуткий пожар. Никто не выжил?

— Женщина. Жила на первом этаже, в последний момент успела выскокить, — вздохнул Александр. — Сейчас в психиатрической клинике. Её племянники погибли. Одна воспитывала, сестра за полгода до этого... Не смогла смириться.

— А вы?

Александру показалось, что колкие немигающие глаза незнакомца прожигают его насквозь.

— Часто приезжаю сюда, — признался мужчина. — Это место не отпускает меня. От них ведь ничего не осталось, — шепотом добавил он.

— А вы бы хотели? — серый человек сел на скамейку, закинул ногу на ногу. — Отпустить.

«Белка!» — словно бритвой по нервам.

Александр кивнул.

— Так в чём дело? — незнакомец протянул мужчине сухой, почти прозрачный, листик.

— И что мне с ним делать?

Незнакомец вновь проигнорировал вопрос мужчины.

— Человеческие души, словно сухие листья. Для того чтобы дерево возродилось весной, осень вынуждена собирать свой печальный урожай.

— Вы так говорите... — начал Александр, — словно это благо.

— Для дерева — благо.

— А если дерево не хочет расставаться со своими листьями?

Незнакомец усмехнулся.

— Не нам спорить с природой.

— Ах, да, — разозлился Александр, — великий и непреложный закон круговорота вещества в природе.

— Можно и так сказать.

— Вы кто? — помимо воли вырвалось у Александра. Мало того, что странный человек припёрся в его парк, так ещё и смеет нарушать шаткое душевное равновесия, расковыривая и без того не затянувшиеся раны.

— Никто, — тот пожал плечами, и, казалось, потерял к мужчине всякий интерес.

Александр, спрятав руки глубже в карманы, двинулся по аллее прочь от скамейки с незнакомцем.

— Умник какой выискался, — досадовал мужчина. — Души, листья, благо. Что б ты понимал?!

«...рядом призраки расхаживают. Вон какой ветер». Александр остановился. Показалось?

Закрыв глаза, прислушиваясь к сухим осенним шорохам.

«...вот ты умер и охота тебе бестелесной оболочкой таскаться? Что тебя здесь удержать может?».

— Схожу с ума, — подумал Александр, и холодная волна мурашек пробежала по его коже.

«Лист желание исполняет. Одно, но самое-самое заветное», — услышал мужчина сквозь оглушительный стук собственного сердца и только сейчас понял, что до сих пор сжимает в ладони лист, врученный ему незнакомцем.

Лист измялся, раскрошился, и только твёрдые, упругие прожилки еще держали форму некогда красивого творения природы.

«А что если?...», — ударила в висок Александра шальная мысль. — «Чем чёрт не шутит?!»

— Я хочу чтобы моя жена и сын были живы! — прошептал он, прижимая лист к губам.

Огляделся. Ничего не изменилось.

— Я хочу, чтобы пожара не было! — вновь попытался Александр.

Бесполезно.

По пустым аллеям гулял ветер.

Может, лист потерял волшебные свойства? Помялся, осыпался...

«А может, никогда их и не имел?» — усмехнулся внутренний рациональный голос.

Александр вновь поднёс лист к губам.

— Не работает, — странный незнакомец стоял за спиной.

— Почему? — с нескрываемой обидой спросил Александр. «Мне же ветер сказал...» — мелькнуло в голове.

— Потому что никому не в силах повернуть время вспять. Ушедшие не в своё время души, связаны словно жемчужины — одной ниткой. Тот, где держит одну из них, владеет всеми. Я сделал для вас всё, что мог. Прощайте.

Александр растерялся. Тот же рациональный внутренний голос подсказывал, что кто-то из них определённо спятил.

Незнакомец развернулся.

«Наверное, надо что-то сказать... спросить...» — подумал мужчина.

— Это место действительно проклято? — слова сорвались с языка сами собой.

— Что? — человек в сером оставился. — Ах, место! Нет, конечно. Что за ерунду вы говорите!

Яростный порыв ветра поднял и закружил опавшую листву. Яркий с оранжевыми всполохами вихрь хлестнул Александра по щекам. На глаза выступили слёзы.

Пыль?

Когда Александр протёр глаза — на дорожке аллеи никого не было. Незнакомец исчез.

Александр стоял посреди кружащихся в бешеном танце листьев и с тоской смотрел в глубь парка.

Вихрь стих так же внезапно, как и начался. Падающий сухой лист нежно прикоснулся ко лбу мужчины. В горле возник упругий комок. Так касалась Вероника.

— Отпускаю, — пробормотал Александр и достал зажигалку.

Вначале вспыхнули листья в руках у пожилых супругов. Затем огонь

перекинулся на кожу. Их силуэты стали зыбкими, прозрачными. Ирина Витальевна крепко взяла мужа за руку, и супруги растворились в осеннем воздухе. Дымом взметнулись вверх и затерялись среди пушистых облаков.

То же самое случилось с Витькой и Сёмкой. Превратившись в дым, они, словно продолжая соревноваться, ринулись ввысь и навсегда пропали в небе.

— Эх, сорванцы... — пробормотал почтальон и, уже растворяясь, крепче сжал двухколёсного друга.

И только художник долго смотрел на тлеющий лист, словно желал запомнить все нюансы цвета горящей осенней души. Наконец, растаял и он.

— Отпускаю, — повторил Александр, и ветер оставил на его губах поцелуй. Теплый и нежный. С горьковатым осенним привкусом — печали и огня.

Текст опубликован
в авторской редакции

Марта Муртина

Вот так живешь-живешь...

Д. Анжольрас. Девушка, читающая у окна

1

— Вот так живешь-живешь и — бац!..

— Умер, — машинально добавила я.

— Почему умер? — возмутился дед. — Не, дальше живешь. Просто однажды просыпаешься и понимаешь, что жить-то так дальше невыносимо.

— Уууу... Дед, и не начинай даже. У меня голова и так раскалывается, а тут еще твоя кухонная философия.

Дед Митяй хотел было что-то сказать, но лишь беззвучно пошамкал губами, махнул рукой и обиженно ушел в свою комнату. Дверь не хлопнула — это был хороший знак. Значит, минут через сорок выйдет и опять засядет в кресле у телевизора.

Вместе мы жили уже два года и повадки друг друга знали досконально —

могли поэтапно смоделировать развитие ситуации. Ситуация была одна и повторялась изо дня в день: деду хотелось поговорить, мне хотелось поработать. Вернее, работать мне не хотелось, но приходилось, а стариковские разговоры «за жисть» никак этому не способствовали и сильно меня раздражали.

Сорок минут тишины. Только легкий стук пальцев по клавиатуре, мышинные щелчки и осторожное побрякивание из-за двери.

Я ненавижу телефоны. От них все проблемы. Звонок не оставил тишине ни единого шанса.

— Аллэ?

— Катрин?

Захотелось умереть. Исчезнуть, раствориться, разложиться на молекулы. Быть ничем. Не быть совсем.

— Что тебе надо, Серж?

— Завтра в шесть жду тебя на нашем месте.

Возражать гудкам в трубке было бы смешно.

2

Дай мне еще один день. Теплый, безветренный и безвременный. Осень пусть будет в этом дне хозяйкой: приветливой, заботливой, тактичной. Я буду зябко кутаться в мягкость кашемира — даже бабье лето не согреет меня под твоим ледяным взглядом, устремленным куда-то в сторону, всегда сверху вниз. Ты будешь нервно и элегантно,

забыв про дорогие, начищенные до нереального блеска, ботинки, пинать кучи опавшей хрустящей листвы, разлетающейся красно-лимонными встревоженными бабочками. Мы будем тихо брести по запущенному парку, изредка теряя в воздухе незначительные фразы, глупые слова, невнятные междометия, невысказанные мысли. В двух метрах от аляповатого клена голос твой начнет переливаться счастливым смехом: «А помнишь...?». Я помню. Отвечу тебе улыбкой, пряча предательский влажный блеск глаз, но ты успеешь заметить дрожание моих ресниц и благородным широким жестом позволишь неуместным воспоминаниям выплакаться в твоих крепких, привычных и безнадежно чужих объятьях. Мучительный вопрос «Почему?» зависнет на секунду в образовавшейся пустоте и, так и не расслышав ответа, испарится вместе с ленивыми лучами солнца последнего нашего дня.

Дай мне свое дыхание. Твои жадные губы, упругий язык, постоянно мешающие зубы. Еще один только раз почувствовать вкус твоих сигарет, раствориться в запахе твоей кожи. Я не буду больше тебя упрекать, терзать прошлое всяческими «а вот если бы», ставить себе диагноз. Просто хочу проверить (поверить?), что действительно больше не больна тобой: что не вздрогну от твоего легкого прикосновения, что кожа не покроется мурашками от твоего шепота, что мое тело под твоим не закричит всеми своими клеточками, что душа не попытается выпрыгнуть навстречу твоему участившемуся дыханию.

Дай мне время. Минутку, месяц, год — я не знаю, сколько мне потребуется, чтобы забыть. Забыть? Вычеркнуть из жизни десять, местами очень неплохих, лет? Хотя бы приглушить. Заставить заткнуться эту чертову, на зависть многим, память. Научиться не жалеть о счастливых моментах, о нелепых ссорах, об обидных компромиссах, о безвозвратно потерянном времени.

Ты можешь дать мне еще так много. Прошу тебя, не давай мне надежды.

3

Я пришла первой. Стояла как дура под клёном с зонтиком. Погода мерзкая: мрысь, грязь и пронизывающий душу ветер. Бабье лето, ага. «Какая баба, такое и лето», — съязвил бы дед Митяй.

Я посмотрела на часы — чертов Серж. Двадцать минут седьмого. Скоро придет темнота и приведет шпану. Страшно за себя и еще больше — за кашемировое пальто. Вырядилась. На какой фиг? Всё давно кончено. Переболело, отпустило. Еще пара месяцев — и я не вспомнила бы, как его зовут. Как знал. Не хватило времени.

Полседьмого. Через пять минут ухожу.

— Катрин! Извини, совсем заматался. Привет, — ткнулся в щеку.

— Приличная девушка всегда должна опаздывать? — огрызнулась я.

Он слегка поморщился — мои плоские шутки бесили его необычайно, но быстро совладал с эмоциями и натянул улыбку:

— Да ладно тебе, я ж не специально. Как жизнь?

— Что тебе надо, Серж? — повторила я вчерашний вопрос.

— Пойдем погуляем.

— Ботиночки не боишься заляпать? Ах, уже заляпал!

Серж занервничал: раздул ноздри, задышал неровно, зажестикублировал.

— Всё-всё, успокойся. Я больше не буду. Так зачем позвал?

— Ты мне нужна...

4

Два года я хотела услышать эти слова. Семьсот двадцать восемь дней. Семнадцать тысяч часов. Один миллион двадцать тысяч минут.

В один из несчастливых понедельников Серж не вернулся домой после работы. Просто взял и не пришел. Обошелся без объяснений и сопровождающих неприятностей — сцен, истерик и слез. Хотя до этого случая я их и не практиковала, но он, видимо, перестраховался. Дальновидность и благоразумие — козырные карты его успеха.

Телефон зазвонил в полночь. К тому моменту я уже раз тридцать прослушала тоскливое «Абонент не доступен» и мысленно сложила трехэтажные домики мата.

Муж и раньше задерживался допоздна — российский бизнес зиждется на переговорах в неформальной обстановке: загородный ресторан, сауна с блядами, корпоративный беспредел. Поначалу я дергалась, высказывала ему претензии и даже немножко страдала на этот счет, но потом успокоилась: во-первых, ему нечего было предъявить конкретно — даже хваленая женская интуиция молчала, а во-вторых, человек — животное общественное, живет по законам

городских джунглей, и тут уж ничего не поделаешь. Как говорил В.И. Ленин (боже, какая же я древняя — еще помню лекции по научному коммунизму), «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Можно только смириться.

Но в этот раз Серж не предупредил. Мало того, утром он ушел с командировочным портфелем, набитым под завязку. Тогда у меня ничего не ёкнуло, но сейчас пазл начал складываться.

Вчера вечером он был молчалив, думал о чем-то, отказался от любимой рукколы с креветками и долго ворочался перед сном. Проснулся за долго до будильника, долго шуршал в гардеробной и, неопределенно чмокнув мою щеку, ушел без завтрака. И до сих пор не вернулся.

Я схватила трубку после первого же звонка:

— Серж! Я же волнуюсь! Почему у тебя мобила вне зоны? Ты где вообще?

— Катюш...

Это было плохо. Очень плохо. Так он меня называл только в исключительных случаях. В исключительно поганных случаях. Внутри у меня всё сжалось в тугую спираль.

— Катенька, прости меня. Я не вернусь.

— И когда ж вы изволите явиться, сударь? — ёрничая, я пыталась сохранить лицо.

— Никогда. Катя, Катя... я не могу так больше. Правда. Я пытался...

— Да что случилось-то? — не выдержала я его сбивчивого ритма.

— В том-то и дело, что ничего не случилось. Ни-че-го. Понимаешь, просто однажды утром просыпаешься,

заходишь в ванную и начинает тошнить от вида твоей зубной щетки. Или смотришь, как ты ешь — аккуратно отрезая микроскопические кусочки и медленно их разжевывая — и хочется надеть эту тарелку тебе на голову. Или... А твои бесконечные дебильные шутки!

— Я понимаю, Серж. Я выкину эту щетку. И перестану шутить. Ты когда вернешься?

— Катя! — он взорвался. — Я так и думал, что ты не поймешь. Ты никогда меня не понимала! Ты душишь меня. У меня совсем не остается воздуха!

Стало обидно. До слез. Разве любовью можно душить? Я всегда оставляла ему личное пространство: он беспрепятственно мог запереться в кабинете на неопределенное время, остаться на ночь у мамы или уехать один на уикенд к морю. Себе я такого не позволяла.

5

Мы поженились на пятом курсе: Катрин и Серж — самая стильная пара института. Шесть лет мотались по общагам и съемным квартирам. Прошли вместе Крым, Рим, огонь, воду и эти чертовы медные трубы. Сергей довольно быстро пошел в гору — наладил нужные связи, открыл свой бизнес и успешно его развивал. Я по обоюдному нашему желанию уже давно не работала и выступала в роли «надежного тыла». У нас всё было хорошо. Тихо, мирно, нежно. Никаких ссор, обид и недомолвок. Идеальная семья.

Без детей. Сначала было рано, потом некогда, а позже — никак не получалось. По медицинским показателям у нас всё было в норме,

светила разводили лучами и советовали просто ждать. Мы ждали. Вместе.

Мне казалось, что с каждым годом я влюбляюсь в мужа всё сильнее. Впрочем, так оно и было — я любила его достоинства, привычки и странности — в совокупности и по отдельности, постоянно открывая для себя что-нибудь новенькое.

Мне казалось, что это взаимно.

— У тебя есть другая? — визгливо спросила я.

— Да нет у меня никого! Не в этом дело! Я просто не могу так больше. Не могу и не хочу.

— Может, ты хотя бы скажешь всё это мне в лицо? Приезжай, пожалуйста... и мы спокойно обо всем поговорим. Должен же быть какой-то выход!!! — мне не удавалось скрыть отчаяние.

— Выход обычно там, где вход, Катюш. Мы встретимся, конечно. Но позже — дня через три, когда ты успокоишься и спокойно примешь моё решение. Сейчас разговор явно не получится — ты меня не слышишь. Ты же знаешь, я не выношу истерик — я начинаю тебя ненавидеть.

— Серезж... Серезенька... — всхлипывала я в трубку. — Ну, пожалуйста... приезжай... Я не смогу без тебя... ты мне нужен...

— А ты мне — нет. Прости.

Гудки сработали как пусковой механизм: пружина внутри меня резко распрямилась, и внутренности пролились наружу. Пространство расколосось, разлетелось на тысячи маленьких кусочков и вонзилось в кожу.

Через три дня мы не встретились. Я не пришла. Отпустила.

6

Стряхнув с волос остатки мучительного сна, окутав озябшие ступни плюшевым мехом домашних туфель, распахнув скрипучее окно с грязными стеклами, вдыхая горький дым тлеющей между пальцев сигареты, не обращая уже внимания на томительное молчание телефона, взглядываясь с высоты десятого этажа в темноту спящего города, отрекаясь от сомнений и проблем, ощущая неожиданную свободу от терзающего чувства вины, любясь восходящим над мрачным урбанистическим пейзажем солнцем, отгоняя от себя тени прошлого и призраки будущего, осознавая мнимую невидимость и красоту своего счастья, обретая долгожданный и опоздавший ровно на одну ночь смысл жизни, улыбаясь кончиками дрожащих губ — я встречаю это утро, последнее утро моей жизни.

Вздвинув от звонка первого трамвая, зашторив нервным движением оживающий за окном мир и заглушив доносящиеся с залива крики назойливых чаек, погружая комнату в таинственный мрак свечей, выпуская в свежий еще воздух чувственный голос чужой певицы, подмигивая своему тусклому зеркальному отражению, листая пухлый альбом и взглядываясь в глянец любимых лиц, прося прощение и шепча слова прощания, смеясь над неудачными попытками оправдаться — я пытаюсь придать происходящему хоть какое-то значение. Подставив лицо под упругие струи теплой воды, подменив запах тела на аромат лаванды, смывая последние предубеждения и предрассудки,

заворачиваясь в махровое тепло любимого халата, оставляя мокрые следы на ореховом паркете, наполняя тонкий бокал игривой радостью пузырьков шампанского, запивая забавные в своей миниатюрности белые пилюли, отгоняя навязчивые глупые мысли об эстетичности процесса, чувствуя неведомую ранее боль где-то в чреве, заставляя себя сосредоточиться на чем-то возвышенном, упрекая себя в появившейся слабости, лаская щеку черным шелком простыни, закрывая усталые глаза — я отпускаю душу-бабочку навстречу зарождающемуся дню, новому дню твоей жизни...

7

Меня откачали. Он успел как раз вовремя.

— Сердце-вещун: чует и добро, и худо, — причитал над больничной койкой дед Митяй. — Вот дурёхато. А если бы я не приехал? А если бы электричка застряла где-нибудь на переезде? Ох-хо-хонюшки... чего думала-то...

Дед жил в пригороде. После смерти бабы Вари он совсем замкнулся в своем одиночестве и приезжал редко. Одно время я всё пыталась растормошить его, вывести из оцепенения — еженедельно навещала, зазывала в гости, даже подарила ему щенка в надежде на то, что забота о ком-то вернет деда к прежней жизни. Но возврата быть не могло. Дед Митяй на склероз не жаловался и слишком хорошо помнил, как было прежде — «при Вареньке». Он сопротивлялся — щенка пришлось вернуть в питомник, гастробайтеры,

нанятые Сержем для ремонта домика у реки, были выгнаны прочь. Я решила, что если у деда есть силы для столь яростного отпора, то он в порядке. И отступила на безопасное расстояние для осторожного наблюдения.

Наблюдение за наблюдателем — вещь забавная. Избавившись от моей гиперопеки, дед для вида успокоился и в свою очередь стал присматривать за мной. Видимо, решив, что мне это нужнее, чем породистому щенку. Надо отдать ему должное — делал он это деликатно: звонил раз в два-три дня, задавал всяко-разные странные вопросы, но в душу не лез. Однажды я с удивлением заметила его в парке, где обычно бегала по утрам — он поглядывал на меня сквозь газету со скамейки, спрятанной в кустах. Сделала вид, что не узнала. Лучше стариковские причуды, чем бесцельное сидение в одном углу — в двух шагах от прострации.

В тот день забота деда спасла меня. Он звонил накануне — днем и вечером, я вздрагивала от трели, но не брала трубку, не в силах разговаривать с кем-либо. Позвонил и следующим утром, но так и не дождался моего сонного «аллэ». Дед Митяй забеспокоился, засобирался, заторопился. Хорошо, что сосед подвез его до станции. Хорошо, что у него были запасные ключи. Хорошо, что когда-то довелось ему работать санитаром.

Дед сразу оценил ситуацию, проверил пульс, обнаружил дыхание. Влил в меня бутылку воды, нажал пальцем на корень языка, перевернул, удерживая сотрясающееся тело,

освободил рот от тягучей массы — и только потом вызвал скорую.

Всегда улыбающийся заведующий отделением Николай Николаевич через несколько дней доверительно шепнул мне, хихикнув не к месту:

— Если б не старик твой, дорогуша, пели бы на твоей могиле: «Вот солнце закатилось, замолк шум городской, Маруся отравилась, вернувшись домой...».

— Меня Катя зовут, — буркнула я.

— А это уже не имело бы никакого значения, — загоготал НикНик и весело хлопнул дверью палаты.

С тех пор мы с дедом Митяем стали жить вместе. Он сдал свой домик семье беженцев за символическую плату и перебрался в город. Дед боялся оставить меня одну. Я боялась того же.

8

— Ты мне нужна, Катрин, — повторил он.

Я смотрела на это любимое лицо, гладила взглядом все его морщинки, мысленно целовала знакомые губы и выжидательно молчала.

— Я знаю, вы с дедом еле перебиваетесь, — осторожно продолжил Серж. — Как он, кстати?

— Неплохо, спасибо. Сейчас уже гораздо лучше, — я никак не могла понять, куда он клонит.

— Хорошо. Привет ему передай. Так вот... Ты вроде на фрилансе сейчас? Времена сейчас трудные в этой сфере, кризис. Я помочь хочу...

— Вот только, ради Бога, не надо мне помогать, — запротестовала я, не дослушав. — Ты мне ничего не должен.

— Я разве сказал, что хочу помочь тебе? — Серж сделал акцент на последнем слове и неопределенно хмыкнул. — Скорее уж себе. Ты мне действительно нужна: я знаю твой профессиональный уровень, твой потенциал. Мы тут решили проект новый раскрутить, нужен проверенный человек. А хороших спецов сейчас днем с огнем... Мне кажется, ты справишься.

Я отошла на пару шагов, опустила зонт и посмотрела в хмурое небо. Дождь усилился и перемешался со слезами. Вот дура. Размечталась. «Большая, а до сих пор в сказки веришь», — качал головой дед. Напридумывала себе романтик. Дура, какая дура. Сейчас главное — сделать хорошую мину при плохой игре. Пять секунд передышки.

— Что скажешь, Катрин? Соглашайся. Я знаю, тебе за дедом надо ухаживать. Но ведь сама сказала — лучше ему. Да и не вечен он... — Серж осекся, поняв, что перегнул.

Я нацепила на лицо фальшивую улыбку и резко повернулась:

— Спасибо тебе, Сереженька. Я подумаю. Созвонимся, да?

Он растерянно кивнул, потом осторожно улыбнулся.

— Ну, я побежала, ага? Поздно уже. Пока! — бросила я и, не дожидаясь ответа, застучала каблучками по мокрому асфальту.

9

Я бегу по парку. Семь тридцать утра. В октябре в это время еще темно, но мне не страшно. Я теперь перестала бояться. Телефонных звонков, своего отражения, чужих слов, жизни.

Я бегу по грязно-желтому ковру опавших листьев, вдыхаю холодный влажный воздух и чувствую себя почти счастливой. Осенний ветер старательно продувает мозги, и в голове не остается ни соринки — только трезвые, свежие мысли. Почему я лишала себя этого больше двух лет? Теперь я не знаю. Да это и не важно.

«Бег — это жизнь», — говорит дед Митяй. Это он приучил меня к утренним пробежкам, заставляя в детстве нарезать круги по школьному стадиону. Это он вернул меня.

Я снова могу жить.

10

— Дедуля! Деда! Я булочки к завтраку купила! Твои любимые — помнишь, раньше такие в кулинарии продавали? — кричу прямо с порога. — Дееед? Шаркай быстрее на кухню, пока горячие!

Я вожусь со связкой ключей и прислушиваюсь к квартире. Тишина. Ни скрипа кресла, ни звука шагов, ни родного побряхтывания.

— Деда?

Бросаюсь в комнату и застываю в дверях...

...Булочки катятся по паркету.

«Вот так живешь-живешь и — бац!»...

Текст опубликован
в авторской редакции

Михаэль Дихель

Здравствуй, любимый!

— Оксана Николаевна, я домашнюю приготовил, но у меня собака тетрадь съела.

«Боже мой, как же мне это надоело, а ведь учебный год только начался», — глубоко вздохнув, учительница двумя пальцами, осторожно подняла измусоленные останки злополучной тетрадки и, пронеся через класс на вытянутой руке, опустила в мусорное ведро.

— Ковалев, судя по количеству потребляемой бумаги, дома у тебя живет совсем не собака, твоих родителей жестоко обманули на птичьем рынке. Кстати, не забудь пригласить их завтра в школу.

Ехидный звонок грянул как всегда не вовремя, за столько лет Оксана так и не смогла привыкнуть к этому мерзкому звуку и постоянно вздрагивала, как только он раздавался.

— Не забудьте, что завтра контрольная по строению клетки, — толпа учеников, жужжа как растревоженный рой, быстро улетучилась из класса.

— Фууух ... последний урок, пятница, наконец-то я свободна, любимый, наверное, заждался, ведь мы так долго не виделись. — Оксана Николаевна даже подскочила на месте от возбуждения, но вовремя опомнилась, — спокойно госпожа Савченко, вы же солидная дама, к тому же вас могут заметить ученики, или того хуже — коллеги.

Быстро приведя себя в порядок, Оксана уже на ходу накинула плащ, и торпливо простучав каблуками по лестнице, выскочила из школьных дверей.

Улица встретила ее бурым небом, затянутым тяжелыми тучами, шквальными порывами ветра и назойливым морозящим дождем.

На стене школы ветер трепал одинокий лист бумаги, чем-то он захватил внимание Оксаны. Подойдя ближе она увидела слегка смазанное дождем объявление.

«Разыскивается пропавший попугай, женского пола, совершенно ручная, откликается на имя Чиа. Нашедшему или знающему ее местонахождение, просьба сообщить за вознаграждение. Леонид».

Далее шел адрес и телефон. К объявлению прилагалась фотография симпатичного попугайчика с хохолком и пятнышками на щечках.

— Нимфа Корелла, — с ходу определила Оксана, — милашка, сидит сейчас где-то под дождем, хозяин

небось переживает, наверное тяжело потерять любимое существо.

Она машинально отщипнула от листка заранее надрезанный кусочек с координатами и сунула в карман.

— Какое все-таки унылое время года, отлично иллюстрирует мою жизнь, — женщина надела капюшон и направилась вниз по улице.

Оксана шла по Приморскому Бульвару, дождь почти прекратился и она, сняв капюшон, подставила лицо ветру, дующему со стороны моря.

В такую погоду, да еще и в темноте, никто не прогуливался по аллеям, влюбленные парочки, обычно занимающие большинство скамеек тоже сегодня нашли уголки поуютнее.

Вот он, стоит за деревьями, Оксана сразу, не смотря на быстро наползающие сумерки, узнала родной силуэт. Она подбежала к нему и обняла, руки коснулись могучего ствола дерева, влажная кора еще хранила тепло дневного солнца.

— Здравствуй, любимый, — женщина прижалась к каштану. Одинокий, похожий на ладонь, лист закружился в воздухе и мягко коснулся щеки. Ветер зашумел в раскидистой кроне, опадающие листья осыпали Оксану, касаясь волос, лица, плеч, стараясь утешить, навевая шелестом покой.

Она могла узнать его среди тысяч деревьев и знала, что он отвечает взаимностью с их первой встречи десять лет назад, когда Оксана спасла каштану жизнь.

Шла вторая пара, когда в аудиторию шарахнув дверью, влетела встрепанная Танька Козловская известная

на весь курс неформалка и неумная душа.

— Грызете гранит, гады???!!! — с ненавистью выпалила она, не успев отдышаться. — А на бульваре уррроды каштаны рубят!!!

Молоденькая лекторша испуганно ахнула, студенты оторопело застыли.

— Да кто ж это...?! — первая пришла в себя Ирина Сергеевна, которую между собой студенты ласково звали Ирочка. — Надо же что-то делать!

— Нам звонили из политеха, они уже по дороге туда, университет тоже подтягивается, будут ставить пикеты и живые щиты, — переведя дух, продолжила Таня.

— Ну так что же вы все сидите, ребята, — по щекам преподавателя текли слезы, — они же там умирают, беззащитные.

— А как же лекция? — Неуверенно возразил кто то из первый рядов.

— Да какая к чертям лекция!!! — тихую, нежную Ирочку было не узнать. — Там какие-то твари РУБЯТ КАШТАНЫ!!!

Воздух в аудитории почти что искрил от эмоций, толпа студентов шумным потоком потекла в коридор, там сливалась с такими же из других групп. Пединститут ходил ходуном, на улице студенты брали троллейбусы на абордаж, потом кто-то дозвонился до родственников, и ко входу подогнали несколько автобусов, которые тут же забили под завязку.

Уже по дороге, в автобусе Оксана услышала подробности.

Горсовет назначил нового главного архитектора, какого-то идиота-выскочку из глубинки, и он сразу решил отличиться.

Пройдясь по набережной и морскому вокзалу, он решил, что высокие

раскидистые деревья не дают гостям города, поднимающимся из порта, любоваться административными зданиями Морского Управления, и не долго думая, приказал их все спилить.

Город лихорадило, отовсюду в сторону моря стекались струйками группы молодых людей, сливаясь в мощные колонны на проспектах, перекрывая движение транспорта, а на Приморском Бульваре, где волны студентов наплывали на милицейский кордон, прикрывавший рабочие бригады, уже откровенно штормило.

Оксана, Таня и еще пара подруг не смогли пробиться сквозь плотную толпу и решили пройти на главную аллею с южной стороны. Сюда еще не пробилась негодующая студенческая вольница, рабочих тоже видно не было. Ветер нежно колыхал ветви, как ни в чем не бывало, в гуще листьев что-то громко делили склочные воробьи.

Девушки медленно пошли между деревьями, наслаждаясь тень от широких крон, потом сняли обувь и с удовольствием ступали по мягкой траве.

Внезапно идиллия была грубо нарушена. На аллее появились несколько человек в рабочей одежде. Двое катили большую тачку груженую инструментом. Оторвавшаяся от отставших подруг Оксана спряталась за широким стволом и наблюдала, как рабочие свернули с дорожки и пошли между деревьев. Старший остановился и, развернув, скученный в трубку большой лист с чертежами, изучал его пока подходили остальные.

— По плану работ, наша точка здесь. Будем расчищать отсюда, вон до той тумбы, — сообщил он, разобравшись в хитросплетениях карты, — Сергеич, заводи свою зверюгу.

— Ох, не доброе дело наверху затеяли, — пожилой рабочий поежился и достал из тачки бензопилу. — Эти ж деревья еще наших прадедов видели, не простит нам город такого лиходейства, попомните мои слова.

Парни помоложе с опаской оглядывались стали разбирать пилы и топоры. Бензопила тоже видимо проникшись моментом, напрочь отказывалась работать, а на все попытки Сергеича ее завести лишь угрюмо порыкивала.

— Приехали, — вытирая пот, устало выдохнул тот, — капризничает моя красавица, придется по старинке, ручками.

— Нууу, — разочарованно протянул кто-то из рабочих, — так и за неделю не управимся, а будем тянуть резину, припрутся эти двинутые школяры, и не видать нам премии, как своих ушей.

— Ладно, хватит лясы точить. Раньше начнем — раньше закончим.

Под окрик старшего двое взяли огромную двуручную пилу и приблизились к одному из каштанов.

Острые зубья врезались в кору несчастного дерева, но, сделав несколько размашистых движений, пила намертво застряла. Сколько пильщики ни старались, как ни пытались продолжить, дерево крепко держало свою мучительницу. Из свежего надпила тек сок, ствол содрогался от попыток работников высвободить инструмент, но дерево продолжало бороться за свою жизнь.

Оксана с расширенными глазами смотрела за борьбой каштана.

«Как настоящий герой, не отступает перед ликом смерти. Он достоин восхищения, но в одиночку ему не

справиться, я должна помочь». С эти мыслями студентка покинула свое убежище и ринулась на выручку. Усталые мужики остолбенели, на них надвигалась фурия, волосы развевались на ветру, глаза сверкали яростью, хищный оскал не предвещал ничего хорошего.

— Подонки, что вы творите!!! Для вас же нет ничего святого!!! — продолжая кричать, Оксана наступала на кучку перепуганных от неожиданности рабочих, оттесняя их от дерева. Откуда и смелость взялась, раньше такого за собой не замечала. На ее крики подбежали подруги и стали возле каштана, не давая приблизиться.

Вскоре на выручку подошли и другие студенты, увидя такое, рабочие и не вздумали ничего предпринимать, попросту ретировались.

В тот день город праздновал победу над человеческой глупостью. Настоящих беспорядков так и не произошло, легко обойдя слабенький кордон, студенты просто не дали приблизиться к большинству деревьев, некоторым был нанесен ущерб, но он был несерьезен. Главного архитектора сняли в тот же день и с позором изгнали из города.

Оксана навещала раненый каштан, она волновалась что надпил, оставленный рабочими, слишком глубокий и мог сильно повредить дереву, но все шло хорошо, природа брала свое, и скоро ничего не напоминало о том дне, кроме уродливого шрама на его стройном стволе.

Каштан как будто чувствовал ее тревоги и как мог успокаивал, в жару он всегда давал ей тень, в холодные дни его кора волшебным образом

всегда сохраняла тепло, которым он щедро делился с девушкой, а шелест листьев успокаивал и убаюкивал.

С тех пор она всегда к нему приходила, когда было хмуро на душе, а последнее время это случалось часто.

— Если подумать, кроме тебя у меня ведь никого нет. Мама умерла в прошлом году, а своего принца я так и не нашла, — Оксана поежилась, вспомнив неудачные романы, и снова прижалась к теплой коре. — Пойду я, наверное. Холодает, еще простыну, — немного постояв, она нехотя оторвалась от дерева. Сделав пару шагов, Оксана ощутила что-то странное. Каштан вел себя беспокойно, покрипывал ветвями и сыпал желтыми листьями, хотя ветра почти не было, он явно не хотел ее ухода. Она постояла, пытаясь понять, что происходит, и вдруг услышала странный звук.

— Чи, — раздалось в тишине вечера. Звук шел из кроны дерева.

Оксана приблизилась и с любопытством вгляделась в переплетение веток. Каштан, явно помогая ей, раздвинул листву, и перед изумленным взором женщины предстала вымокшая, нахохлившаяся птица, в которой она признала попугая из объявления.

— Чи? — не веря своим глазам спросила Оксана. — Это ведь ты?

— Чи чуу??? — недоверчиво скосив глаз в ее сторону, поинтересовалась попугаиха и встопорщила хохолок.

— Иди сюда, девочка, хозяин тебя ищет, по всему городу объявления расклеил, — нежно проговорила Оксана, протянув к ней руку и поймав себя на том, что пытается объяснить с попугаем. С другой стороны —

общается же она с деревом и не находит для себя ничего странного в этом.

Птичка немного подумала, поворачивая голову и глядя на Оксану, то одним, то другим глазом, а потом внезапно перепрыгнула той на руку, крепко вцепившись коготками в рукав. Оксана погладила Чиу по мокрой головке и почувствовала, как дрожит ее тельце под ладонью.

— Э, подружка, да ты совсем продрогла, так дело не пойдет, — женщина порылась в сумочке и вынула тонкую вязанную беретку, которую сегодня так и не надела, — сейчас мы будем тебя греть. Чиа без особых возражений переключалась в теплый берет и аж зажмурила глазки от удовольствия.

Бумажка с адресом Леонида привела их к дому в пяти кварталах от набережной, добротной трехэтажке, построенной на века еще до революции. В парадной, как ни странно работало освещение, Оксана поднялась по широкой мраморной лестнице и нашла нужную квартиру. На тяжелой деревянной двери красовалась латунная табличка «Леонид Карагаев. Врач-Ветеринар».

— Просто, но со вкусом, — отметила про себя она и вдавила кнопку звонка, раздавалась затейливая птичья трель.

— Кто там? — раздался через минуту мужской голос.

Оксана открыла было рот, но птица ее опередила.

— Чиии кичиа чууу, — несколько виноватым голосом пропела она.

— Чиа, это ты??? — с той стороны загремело, что то упало, дверь резко распахнулась и перед Оксаной и Чиа предстал Леонид.

Хозяин квартиры был высок, широк в плечах, обладал роскошной темной шевелюрой и античным профилем. Оксана просто загляделась, так и не закрыв рот.

— Чиа, сколько раз я тебе говорил, не сиди на балконе, тебя сдует, — Леонид уже вынул попугая из шапочки, которую женщина держала в руке и грел в своих больших ладонях. — Ну, кого ты к нам привела?

Оксана замялась, все еще не находя, что сказать.

— Что же вы так вот на пороге стоите? — мужчина понял ситуацию и взял инициативу на себя. — Вы же продрогли, вон губы синие, проходите, я вас горячим вином со специями угощу.

— А как же ваша жена, — промямлила Оксана, пытаясь хоть как-то спасти лицо, — время позднее, неудобно как-то.

— Я уже три года живу один, — грустно проговорил Леонид, — из женщин дома только Чиа, с ней, я вижу, вы уже подружились, а плохому человеку она в руки не далась бы. Проходите.

Мужчина кивнул и направился внутрь, чем-то он неуловимо напомнил ей родной каштан.

— Спасибо, любимый, — Оксана нежно улыбнулась своим мыслям и затворила тяжелую деревянную дверь.

Текст опубликован
в авторской редакции